

Е. Вятр¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В НЕБЕЗОПАСНОМ МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Двадцать пять лет назад, после окончания холодной войны и падения коммунистических режимов в Европе, в восприятии положения дел в сфере европейской безопасности преобладал оптимизм. Большинство из нас верили, что столетняя история войн и вражды закончилась. Этот оптимизм основывался на трех основных аргументах:

1) перспектива мира, в котором доминируют Соединенные Штаты Америки, давала надежду на то, что американское руководство будет способствовать мирному разрешению конфликтов и постепенному расширению (мирными средствами) либерально-демократических ценностей. *Pax Americana* (лат. Американский мир) воспринимался как лучшая альтернатива по сравнению с конфронтацией идеологий и конфликтами на основе национального эгоизма;

2) мирное изменение политического климата в Европе, символом которого стало примирение тех, кто в прошлом враждовал (за примирением немцев и французов последовало примирение немцев и поляков), вселяло веру в установление дружеских отношений между бывшими врагами;

3) исчезновение идеологической супердержавы СССР и смена режима в России, а также ослабление ее международного положения рассматривались как гарантия новых дружественных отношений между европейскими странами.

В последующие годы расширение НАТО и Европейского Союза породило в регионе Центральной Европы чувство беспрецедентной безопасности. Даже этнические войны в бывшей Югославии не ослабили эту атмосферу безопасности, отчасти потому, что вмешательство НАТО в эти военные конфликты (в Боснии и Герцеговине и Косово) положило конец военным фазам конфронтации.

Только несколько ученых говорили об осторожности и ставили под сомнение превалирующий оптимизм. Один из них — видный израильский политолог (и мой друг на протяжении многих лет) Шломо Авинери

ри. В своем эссе о Восточной Европе Авинери предупреждал о возможности «возвращения к истории», имея в виду наследие авторитаризма и национализма в Восточной и Центральной Европе². Другой — Сэмюэл Ф. Хантингтон, который в своей знаменитой книге о «трех волнах демократизации» предупреждал о возможности «отката», или «обратной волны», вызванной «авторитарным национализмом», «религиозным фундаментализмом», «олигархическим авторитаризмом», «популистскими диктатурами»³.

Наиболее радикальные версии подобных сценариев не материализовались, по крайней мере пока. В период после окончания холодной войны в Восточной и Центральной Европе ни один режим не был свергнут силовыми методами и не была установлена ни одна диктатура. В то время как недавние события в Венгрии и Польше заставили многих критически взглянуть на «новый авторитаризм»⁴, они не создали опасностей для мирных взаимоотношений между странами в этой части Европы.

Однако сегодня имеется повод для беспокойства в долгосрочной перспективе, обусловленного политическими переменами, которые произошли в первые годы XXI века. Четыре перемены имеют наибольшее значение для безопасности стран Центральной Европы (а также и для других).

Первая — кризис американского руководства. Он вызван принятием сильно идеологизированного подхода к американской внешней политике, особенно в период президентства Джорджа Буша-младшего. В начале февраля 2001 года я присутствовал на Национальном молитвенном завтраке в Вашингтоне, во время которого недавно избранный президент Буш выступал с первой речью о целях американской внешней политики. Президент Буш утверждал, что доверие США миссии по утверждению демократии во всем мире — это воля Божья, а он, как президент, считает своим священным долгом выполнение этой миссии. Мне редко доводилось слышать такую явную декларацию идеологического характера внешней политики.

Вскоре после террористических атак в сентябре 2001 года США (при поддержке Великобритании и ряда других государств, включая Польшу) начали войну против Ирака. Эта война сильно пошатнула позиции Америки в мире. Если с военной точки зрения она была успешной, то с политической — стала катастрофическим поражением.

Збигнев Бжезинский выделил три основных последствия этой войны. Во-первых, она нанесла «серьезный урон положению Америки в мире» и «дискреди-

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографий «Социология политических отношений», «The Soldier And The Nation: The Role Of The Military In Polish Politics, 1918–1985», «Four Essays on East European Democratic Transformation», «Political Sociology in Eastern Europe: A Trend Report and Bibliography», «Socjologia wojska», «Socjologia wielkiej przemiany», «Socjaldemokracja wobec wyzwań XXI wieku», «Socjologia polityki», «Europa pokomunistyczna – przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku», «Refleksje o polskim interesie narodowym» и др.; статей «Восточная Европа: судьбы демократии», «Польша и Россия: национальные интересы или историческая память?», «Вторая мировая война и новый мировой порядок», «Политический кризис на Украине и его перспективы» и др. Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный президент Центральной европейской ассоциации политических наук, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепровского национального университета им. Олеся Гончара (Украина). Награжден орденом Возрождения Польши II степени.

² Avineri S. The Return to History: The Breakup of the Soviet Union // The Brookings Review. 1992. Spring. P. 30–33.

³ Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late twentieth Century. L. ; Norman : The Oklahoma University Press, 1991. P. 293–294.

⁴ Wiatr J. J. New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective // Studia Socjologiczno-Polityczne. Warsaw, 2017. № 2 (7). P. 123–137.

тировала глобальное лидерство США». Во-вторых, это «была геополитическая катастрофа». В-третьих, «она усилила террористическую угрозу США»¹. Бжезинский назвал президентство Буша «катастрофическим» в основном из-за фиаско в Ираке. Ослабление лидирующей позиции США после этой войны подорвало доверие других стран к эффективности альянса с США и способствовало тому, что некоторые государства стали действовать более решительно в международных отношениях.

Второй фактор, тесно связанный с первым, — рост международного терроризма. Терроризм — не новое явление, но в нынешнем столетии он стал качественно новым фактором в мировой политике. Терроризм больше не ограничивается одним государством (или регионом), он стал по-настоящему интернациональным. Ни одна страна в мире больше не может чувствовать себя в безопасности. Даже самая агрессивная политика, направленная против террористов, не может предотвратить постоянно повторяющиеся террористические акты.

Последствия «арабской весны» разочаровали — вопреки более ранним оценкам большинства западных СМИ и научных кругов — и стали третьим фактором, повлекшим за собой ухудшение политического климата. Все арабские государства, за исключением Туниса, в которых произошли перевороты, или вернулись к обновленным авторитарным режимам (Египет), или погрузились в состояние длительной гражданской войны (Ливия, Сирия, Йемен). Война в Сирии привела к появлению «Исламского государства», террористического оплота религиозных фанатиков, преданных идее мирового халифата. Вследствие поддержки, оказываемой двум сторонам, участвующим в гражданской войне в Сирии, Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация сами оказались в сложном положении, имеющем потенциально опасные последствия.

Четвертый фактор нового международного положения — это растущая сила и стремление региональных держав — Китая и России — утвердиться на мировой арене, они бросают вызов мировой гегемонии США. С точки зрения Центральной Европы именно новая роль России вызывает обеспокоенность. Перед тем как рассмотреть вызов, исходящий от России, мне хотелось бы подчеркнуть прямую связь между провалом американской внешней политики и растущей решительностью Российской Федерации. Ослабление американской державы воодушевило Россию бросить вызов мировой гегемонии США, в частности в регионах, территориально близко расположенных к России, которые она считает ближайшими соседями.

Самым важным для безопасности Центральной Европы является роль Российской Федерации как сильнейшей региональной державы в непосредственной близости от восточных границ Европейского союза. Представляет ли Россия реальную угрозу нашей безопасности? Есть ли вероятность того, что она спровоцирует новую войну, как предсказывает британский генерал Ричард Ширрефф, бывший заместитель Вер-

ховного главнокомандующего Вооруженными силами НАТО, в своей недавно опубликованной книге (художественном произведении на политические темы)²? По вымышленному сценарию Россия вторгается в Латвию и в конечном счете терпит поражение от объединивших свои силы войск НАТО и латвийских партизан, но конфликт остается ограниченным регионом Балтийского моря и не распространяется до масштабов третьей мировой войны.

Серьезное обсуждение вызова, бросаемого Российской Федерацией, требует осмысления политической трансформации России после падения коммунистического режима и распада Советского Союза. Если говорить о внутреннем положении, то постсоветский период российской истории — это полные хаоса годы президентства Бориса Ельцина, которые Клаус фон Бейме называет «анократией» — комбинацией автократии и анархии³, а также неоавторитарное правление Владимира Путина в XXI веке. Провал демократических реформ связан как с российской политической культурой (включая наследие тоталитарной диктатуры в предыдущем столетии), так и с ошибочной политикой демократического Запада, который отказался предоставить России необходимую ей помощь в первые годы после краха коммунистической диктатуры. Правление Путина отмечено успешными усилиями по восстановлению положения России как великой державы. Именно этот аспект президентства Путина объясняет его большую популярность среди граждан России, как свидетельствуют опросы общественного мнения⁴.

Самый важный вопрос с точки зрения центрально-европейских стран: представляет ли Россия сегодня реальную угрозу нашей безопасности? Я убежден, что нет. Таким образом, я выступаю против доминирующей в моей стране политической точки зрения. Мое мнение объясняется двумя основными причинами.

Во-первых, Россия не оказывает идеологического влияния (как бывший Советский Союз) и не собирается экспортировать свою политическую систему и философию в другие страны. Ее национальные интересы диктуют политику региональной гегемонии в рамках бывших советских республик, которые близко расположены географически, а также в части Азии, ближе всего расположенной к границам России.

Во-вторых, российские лидеры прекрасно осознают потенциальные катастрофические последствия атаки на государство — члена НАТО. Только сумасшедший может рискнуть начать войну с НАТО — наиболее сильным военным союзом в мировой истории.

На основании этих двух факторов я не воспринимаю Россию как непосредственную угрозу безопасности Центральной Европы. Однако это не означает, что конфликты с Россией можно исключить из нашего стратегического мышления. Было бы наивно игнорировать возможность таких конфликтов. Но также неправильно преувеличивать их влияние на нашу безопасность.

² Shirreff R. 2017 War with Russia. L. : Hodder & Stoughton Ltd., 2016.

³ Beyme K. von. Transition to Democracy in Eastern Europe. N. Y. : St. Martin's Press, 1995. P. 166.

⁴ New Trends in Russian Political Mentality / ed. E. Shestopal. Lanham : Lexington Books, 2016.

¹ Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y. : Basic Books, 2007. P. 146–149.

Украинский кризис привел к ухудшению отношений с Россией не из-за прямой угрозы нашей безопасности, а вследствие намерения Европейского союза защищать украинский суверенитет, которому угрожала аннексия Крыма и поддерживаемый Россией сепаратизм в восточных областях Украины. Для понимания этого конфликта нужно вернуться к нестабильным и неустойчивым российско-украинским отношениям после распада СССР. С самого начала было очевидно, что большинство русского населения выступало против включения Крыма в состав Украины и желало его возвращения в Россию¹. До кризиса 2014 года позиция России по этому вопросу была подчинена стратегическим соображениям, в соответствии с которыми преимущественно отдавалось тесным взаимоотношениям между двумя странами, а не интересам и потребностям жителей Крыма. Все изменилось в начале 2014 года, когда свергли пророссийского президента Виктора Януковича, а радикальная переориентация украинской внешней политики заставила российское правительство отказаться от осторожной позиции по крымскому вопросу и предложить поддержку (возможно, даже одобрение и поощрение) сепаратистам в Донбассе. В то время как у НАТО и ЕС имелись веские основания предложить политическую поддержку Украине и выступить против России конкретно по этому вопросу, было бы ошибкой подчинять наши взаимоотношения с Россией в целом разрешению конфликта на Украине. Имеются другие важные вопросы, сотрудничество по которым с Российской Федерацией является жизненно необходимым для безопасности Европы, включая гражданскую войну в Сирии, борьбу против международного терроризма и сдерживание распространения ядерного оружия.

Политический реализм свидетельствует о том, что конфликты между региональными державами нельзя исключать. В современном мире они являются скорее результатом отстаивания национальных интересов, а не в корне враждебных идеологических убеждений, как это было во времена холодной войны. Однако конфликты такого характера не следует рассматривать как катастрофические. Более того, я убежден, что единственный способ решения таких конфликтов (считая украинский) — это компромисс, что маловероятно в ближайшем будущем, но неизбежно в долгосрочной перспективе.

Гораздо сложнее разобраться с двумя другими вызовами: международный терроризм и поток беженцев с Ближнего Востока и Северной Африки. Для решения этих вопросов требуются единство позиции демократических государств и серьезный пересмотр нашей глобальной стратегии.

Международный терроризм представляет собой наибольшую опасность для нашей безопасно-

сти, потому что, исходя из его природы, компромиссные решения невозможны. Центральная Европа пока не стала целью международных террористов, но было бы ошибочно полагать, что подобное положение вещей будет сохраняться вечно. Поэтому необходимо объединить усилия с нашими союзниками в Западной Европе и Америке для того, чтобы коллективно ответить на этот вызов. Также необходимо серьезно исследовать социальные и политические корни проблемы, включая нерешенный палестино-израильский конфликт.

Европейская солидарность также необходима для того, чтобы найти практическое решение проблемы беженцев. Приток неограниченного количества беженцев из охваченного войной региона Ближнего Востока и Африки — непрагматичная политика, потому что это неизбежно приведет к росту количества потенциальных мигрантов. В то же время с нравственной и политической точек зрения неправильно умыть руки и оставить решение этого вопроса исключительно тем странам, на которые непосредственно пришелся основной приток беженцев. Под вопрос поставлена не только судьба беженцев, но и сплоченность Европейского Союза.

Какие практические рекомендации можно дать на основании этого анализа? Выскажу четыре предложения.

Во-первых, поддерживать и укреплять единство и солидарность сообщества демократических стран Европы и Северной Америки. Противостоять всем попыткам ослабления европейской интеграции, а также политике национального эгоизма и изоляционизма.

Во-вторых, следовать политике компромисса и избегать искушения навязывать собственную волю другим. Не забывать, что компромисс — это не капитуляция. Избегать двойных стандартов при оценке политики друзей и противников.

В-третьих, избегать подчинения нашей внешней политики идеологии, даже если это означает отказ от мечты о «крестовом походе» за демократию. Не забывать о драматических последствиях идеологически мотивированной войны с Ираком как о важнейшем предостережении на будущее.

В-четвертых, практически и коллективно решать проблемы беженцев и международного терроризма и быть готовыми взять на себя необходимую ответственность солидарно с остальными членами сообщества демократических стран.

Это не сделает Центральную Европу неуязвимой от опасностей, типичных для современного мира. Анализ проблемы безопасности — не рецепт утопии, а интеллектуальный инструмент для того, чтобы сделать нашу практическую политику более эффективной.

¹ “Frozen conflicts” in Europe / ed. A. Bebler. Opladen ; Berlin ; Toronto : Barbara Budrich Publishers, 2015. P. 189–207.